

Пушкин Александр Сергеевич

5-11.06.94

ГИГАНТЫ

Когда ж начну я вольный бег?

П. Милюков. Живой Пушкин. М.: Эллис Лак. 15 тыс. экз., 414 с.

Георгий Адамович заметил, что среди уникальных особенностей Пушкина есть и такая: он «всегда отражает черты того, кто о нем говорит». Это было сказано давно, в рецензии на книжку Милюкова, появившуюся к столетию гибели поэта (6 июня его 198-летие). Приблизились мы за минувшие с тех пор годы к пониманию тайны, которую Пушкин, по слову Достоевского, унес с собой в могилу, или, напротив, отделился от нее, — об этом можно дискутировать до хрипоты. Но правота Адамовича лишь находит новые подтверждения.

Кто только не пытался присвоить национального поэта, кто не объявлял его «нашим современником». И всякий раз выходило, что Пушкин выражает именно те понятия, которые дороги людям, зачисляющим его в свои единомышленники. За дежурными панегириками обычно не стояло ничего, кроме пламенного стремления придать вид непререкаемых истин банальностям, которые высказывались с отсылками к гению. Весь фокус сводился к тому, чтобы отыскать подходящие «созвучия», приглушив или, еще проще, не заметив слишком уж явных «несоответствий».

Час его свободы так и не пробил в наше время, и не судьба ему была начать вольный бег «по вольному распутью моря», потому что стараниями интерпретаторов Пушкин оказался, используя формулу другого поэта, мобилизован и призван. В написанном о нем, и особенно за последние годы, явился Пушкин как апологет: реформаторских начинаний или державных интересов, почвенничества или европеизации, революционности или религиозности... Мы до того привыкли видеть его в этом качестве, что в пушкинистике, когда она предлагает целостную характеристику, похоже, и правда интересуемся прежде всего физиономией пишущего, оставив надежду прочесть что-то беспристрастное о самом Пушкине.

Книжка Милюкова хороша хотя бы тем, что в ней подобная, называя вещи своими именами, утилитарная интерпретация дается без камуфляжа. Вождь российского либерализма, Милюков, разумеется, хотел увидеть в Пушкине своего предтечу и союзника. Он не останавливался перед упрощениями, а порой и явными натяжками, когда его взгляд на поэта не находил подтверждений в текстах. Ничего удивительного, если под его пером Пушкин оказывается олицетворением «протестующей стихии», законченным декабристом и ревнителем политических свобод. Сказав о «Медном всаднике», что это «бунт против попытки возвеличить деспота», и ничего более, Милюков исчерпывающе характеризует всю свою методологию.

Над ней легко иронизировать, хотя следовало бы принять во внимание обстоятельства, в каких создавалась книга. Для эмиграции Пушкин был не только символом потерянной родины, он воплощал высшие ценности, отнятые и, казалось, навеки погубленные большевизмом. В 1937 году трагедия Пушкина почти неизбежно должна была осознаваться как кара за несмирение перед тиранией и униженностью личности. Очерк Милюкова, компактный, фактологически достоверный, охватывающий всю жизнь Пушкина, пользовался огромной популярностью еще и оттого, что эта мысль была в нем сквозной. А она и отвечала преобладающему (особенно в зарубежье) умонастроению, и была, уж во всяком случае, не голословной. Хотя подчас и формулировалась с недопустимой прямолинейностью, побуждающей, например, трактовать финальную катастрофу как итог ненадежного компромисса с деспотической властью. Словно к одному этому может быть сведена замечательная блоковская формула: «Пушкина убила не пуля Дантеса. Пушкина убило отсутствие воздуха».

Во вступительной статье — случай экстравагантный — комментатор издания, впервые сделавшего книгу Милюкова доступной отечественному читателю, крайне скуп на похвалы своему автору. И шедр на порицания. Как выясняется, дело не в просчетах Милюкова, предвзято оценивающего пушкинские произведения. Дело, главным образом, в его либеральной ориентации. Для М. Филина либерализм что-то наподобие отравы, изготовленной «в чужих землях», — страшно подумать, что станется с Россией, если добьются своего «доброхоты», которые «усердно предлагают державе» эту ложную панацею. Пушкин, нечего и пояснять, не имеет с «доброхотами» ничего общего, он и в мыслях не держал «пресловутое правовое пространство», был настоящий государственный и хоть «с некоторыми оговорками, но искренно любил императора Николая». Одним словом, только по недоразумению «необходимость самовластия и прелести кнута» фигурируют у него в эпиграмме, спровоцированной карамзинской «Историей». А на самом деле в своем «мудром приятии жизни» Пушкин загодя скомпрометировал всех не любящих правительство и, значит, отечество. Помимо приведенных суждений, комментарий обаятелен еще и заботой о просвещении читателя. М. Филин пресерьезно объясняет, какой памятник соорудил в Петербурге Фальконе, чем славен Суворов и кто такая Арина Родионовна. Самое трагическое, что все вместе это называется «Научно-справочный раздел».

Алексей ЗВЕРЕВ

Опубликована в газете. — 1994 — 5-11.06.94. — с. 11.